

2207

ЕСЛИ БЫ У НАС совсем не было никаких материалов о жизни Достоевского, то и тогда биографию его можно было бы воспроизвести по большому, откровенным письмам.

Да, Федор Михайлович любил не только получать, но и писать письма. Бывали в его жизни такие времена, когда письмо заменяло все: встречи со знакомыми, интимные беседы с друзьями, даже литературное творчество. Ведь ему, каторжанину Омского острога, а затем солдату в сибирском захолустье, нельзя было писать ни романа, ни повести. Только письма. В них-то он и описывал подробно свою жизнь, делился планами, мечтал, жаловался на тяжесть каторги и солдатской лямки. На бедность, на потрясающую нужду, которые плелись за ним по пятам чуть не все годы:

«У меня нет ни копейки на платье... — пишет он брату. — И меня пресерьезно стащат в тюрьму (это ясно). Прекомическое обстоятельство... Главное, я буду без платья. Хлестаков соглашается идти в тюрьму только благодарным образом. Ну, а если у меня штанов не будет, будет ли это благодарным образом?..».

А одной из знакомых писал из Висбадена в августе 1865 года:

«...Мне объявили в отеле, что мне не приказано давать ни обеда, ни чаю, ни кофею. Я пошел объясниться, и толстый немец-хозяин объявил мне, что я не «заслужил» обеда и что он будет мне присылать только чай. Итак, со вчерашнего дня я не обедаю и питаюсь только чаем».

«Не заслуживший» обеда как раз в это время работал над романом, который впоследствии будет читать весь мир, — «Преступление и наказание»!

Письма у Достоевского не были только посланиями «от одного к другому». Им он обогатил и как бы заново возродил к жизни зачехленный жанр, излюбленный писателями-сентименталистами. Но он, Достоевский, не умилился в них над «щебечущей пеночкой», над «изумрудными дубравами», не проливал слез умиления, расставаясь с вымышленным литературным «другом». Он пропитал их гневом к безысходной бедности. Достаточно прочесть переписку Макара Девушкина и Вареньки Доброселовой в его романе «Бедные люди».

Особенно укрепился этот жанр, когда Достоевский стал издавать журнал «Дневник писателя». В нем он как бы отчитывался перед читателями о том, что видел, что слышал, о чем писали ему. Страстно и взволнованно откликался он на события своего времени: писал о судебных процессах, о молодежи, о балканской войне, о новейшей философии, этике.

Писем было много. Федор Михайлович сам признавался, что за время издания «Дневника писателя» он получил их немало и под фамилиями, и анонимных. Эти письма берег, как драгоценность. На некоторые из них отвечал прямо в «Дневнике писателя», на другие невозможно было и ответить. Вот получает он, к примеру, не письмо, а целую исповедь, полную вопросов, вроде: «Выясните мне, что

со мной? Вы можете и должны это сделать: вы психиатр, и вы гуманный». Что ответишь на это?

Переписку он сохранял. В его архиве было до двухсот писем от читателей «Дневника». Наиболее интересные из этих писем публиковались нашими исследователями. Но что случилось с ответами Достоевского на эти письма? Они сохранились далеко не все. Были среди его знакомых такие, кто знал: придет время, и каждая строка, написанная классиком, будет большой ценностью. Так. простой человек.

«Вы говорите, что до сих пор не давали читать Вашей дочери что-нибудь литературное, боясь развить фантазию. Мне вот кажется, что это не совсем правильно: фантазия есть природная сила человека, тем более во всяком ребенке, у которого она, с самых малых лет, преимущественно перед всеми другими способностями развита и требует утешения... Впечатления же прекрасного именно необходимы в детстве. 10 лет от роду я видел в Москве представление «Разбойников» Шиллера с Мочало-

К 160-летию со дня рождения
Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

ПИСЬМА

работник типографии, сохранил все записки к нему Достоевского. Жена Федора Михайловича тоже берегла его переписку. Иногда для этого шла на хитрость. Работая редактором журнала «Гражданин», Достоевский отвечал многим авторам. Нередко в редакцию приходили очень резкие письма. Федор Михайлович давал не менее резкие ответы. И вот Анна Григорьевна, ведавшая отправкой писем, «придерживала» их, зная, что раздражение мужа уляжется и он будет сожалеть, что отвечал так резко. Наутро письма переписывались, а прежние сохранялись.

«В моем архиве, — вспоминала Анна Григорьевна, — сохраняются более десятка таких «горячих» писем, которые могли поссорить мужа с людьми, с которыми он ссориться вовсе не хотел».

Но были такие среди его друзей, кто не сберег по какой-либо причине бесценной переписки классика, затерял или уничтожил намеренно. Близо знавший писателя врач С. Д. Яновский вспоминал, как в апреле 1849 года к нему на квартиру пришел Михаил Михайлович Достоевский. Он собрал все письма брата, свои, Аполлона Майкова и сжег. Время было трудное — ожидали обыска.

Многие письма Достоевского дошли до нас в испорченном виде. Одни пострадали от небрежного хранения, другие — от злой руки. А. С. Долинин, опубликовавший в 1928 году первый том переписки Достоевского, рассказывал, что особенно пострадали письма Федора Михайловича к его другу А. Е. Врангелю. Те места, где рассказывается о первой жене Достоевского, Исаевой, целиком вырезаны, затерты; многие строчки перечеркнуты, густо залиты чернилами. Долго пришлось поработать ученым, чтобы воспроизвести текст.

В его письмах боль и крик души, его радости, его надежды, его глубокие раздумья. Для нас и по сей день ценны те из его писем, в которых он высказывает свои взгляды на нормы нравственного поведения, на воспитание, продиктованные не консервативным мировоззрением, а умом гения. Вот хотя бы его мысли о детском и юношеском чтении, которые он высказал в письме своему корреспонденту Н. А. Озмидову:

«Вы уверяю Вас, что сильнее впечатление, которое я вынес тогда, подействовало на мою духовную сторону очень плодотворно. 12-ти лет я в деревне во время вакаций прочел всего Вальтер-Скотта, и пусть я развил в себе фантазию и впечатлительность, но зато я направил ее в хорошую сторону и не направил на дурную, тем более, что захватил с собой в жизнь, из этого чтения, столько прекрасных и высоких впечатлений, что, конечно, они составили в душе моей большую силу для борьбы с впечатлениями соблазнительными, страстными и растлевающими. Советую и Вам дать Вашей дочери теперь Вальтер-Скотта, тем более, что он забыт у нас, русских, совсем, и потом, когда уже будет жить самостоятельно, она уже не найдет ни возможности, ни потребности сама познакомиться с этим великим писателем; итак, ловите время познакомиться с ним, пока она еще в родительском доме, Вальтер-Скотт уже имеет высокое воспитательное значение. Диккенса пусть прочтет всего без исключения. Познакомьте ее с литературой прошлых столетий («Дон-Кихот» и даже «Жиль-Блаз»). Лучше всего начать со стихов. Пушкина она должна прочесть всего — и стихи, и прозу. Гоголя тоже. Тургенев, Гончаров, если хотите...».

Мы намеренно сделали такую длинную выписку из письма. В ней все: и принципы психологии детского чтения, и свой собственный опыт, и дельные советы. А главное, все им сказанное не устарело до сих пор.

Сколько было таких вот писем-советов! Многие из них дошли до нас, но многие, конечно, и затерялись. Не вернешь их, пропавших «без вести»; не вернешь и уничтоженного, сожженного в печах и каминах. Однако поиски продолжаются и по сей день. Каждый раз находка писателя или чернового наброска писателя что-то прибавляет к нашему пониманию его облика, его психического склада, его манеры труда. Все это приходит к нам по извилистой дорожке литературного поиска, для того, чтобы стать частицей памяти о великом художнике.

Б. ЧЕЛЫШЕВ.

доцент Тираспольского педагогического института им. Т. Г. Шевченко.